

Святая дружба

Известные писатели оставили бесценные свидетельства о наших земляках, фронтовиках Великой Отечественной войны

текст

ЕВГЕНИЙ
ПЛАТУНОВ

Константин Симонов и Илья Шуклин

Об офицере-артиллеристе из Горного Алтая Илье Шуклине написал в очерке «Единоборство» поэт Константин Симонов. Материал специального корреспондента газеты «Красная звезда» был опубликован в июле 1942 года и рассказывал о бое батареи старшего лейтенанта Шуклина с тридцатью немецкими танками у села Перекоповка (северо-западнее Воронежа). Артиллеристы Ильи Захаровича 14 июля отбивали атаки немцев два с половиной часа. Подбив 14 танков, они вынудили врага отойти.

Помимо фронтового очерка Симонов написал об Илье Шуклине и в книге «Разные дни войны. Дневник писателя».

«...Третья корреспонденция была о двадцатилетнем комсомольце с Алтая, из Ойрот-Туры, Илье Шуклине — командире батареи 76-миллиметровых полуавтоматических пушек, подбившем в ровной, как стол, степи четырнадцать немецких танков.

Во время боя Шуклин подавал команды, сидя верхом на лошади, потому что, видите ли, как он мне объяснял, ему так, сверху, были видней танки!

Выглядел он совсем юным, буквально мальчишечкой, и просил меня, если можно, передать привет от него отцу и матери: Захару Ильичу и Марье Григорьевне — и девушке Вале Некрасовой.

И я сделал это в своей корреспонденции, которая появилась ровно за двенадцать дней до его гибели в следующем большом бою.

Героем Советского Союза он стал уже потом, посмертно...»

Вот только Константин Михайлович перепутал время гибели

Шуклина. Он считал его погибшим в 1942 году. Так до сих пор и переиздается текст писателя — без уточнения и примечаний к биографии офицера с Алтая.

Последний бой Ильи Шуклина и его артиллеристов случился через год после встречи с Симоновым: 21 июля 1943 года у села Голая Долина в Донецкой области. Весь день батарея вела огонь и отразила две танковые атаки, подбив семь танков. Батарея погибла вместе со своим командиром, не оставив позиций.

В октябре 1943 года Шуклина посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1978 году в издательстве «Советский писатель» вышел сборник Константина Симонова «Сегодня и давно». В эту книгу Симонов поместил эпизод со своей встречи с читателями на Алтае: «...иногда бывает так, что в какую-то определенную газету и по определенному поводу ты считаешь своим долгом написать, потому что именно ты, скажем, видел этот город в день его освобождения. Или, допустим, именно из этого места, из этого района родом человек, с которым ты встречался в годы войны и о котором

писал. Ну, скажем, к примеру: встречался я в 42-м году с таким молодым артиллеристом Ильей Шуклиным, кстати, он тоже с Алтая. Так вот, когда меня конкретно попросили, написали алтайские товарищи, что они хотят узнать какие-то подробности дополнительно о Шуклине, я порывлся в своих записных книжках, в блокнотах и нашел запись разговора с ним — и послал ее, а она была опубликована...»

Разумеется, на Алтае ко второй половине 1970 годов знали уже и точную дату, и место гибели одного из своих Героев Советского Союза. Газета «Алтайская правда» писала в 1957 году: «В 1943 году при смелой операции форсирования Днепра оборвалась жизнь совсем молодого Ильи Шуклина». Но почему-то никто не уточнил это для писателя Константина Симонова.

Давид Самойлов и Семён Косов

Известный поэт Давид Самойлов посвятил своему сослуживцу на Волховском фронте, жителю Ельцовского района Алтайского края Семёну Косову стихотворение «Семён Андреевич».

Константин
Симонов

Илья Шуклин.
Все фото
предоставлены
автором

Помню! Синявинские высоты
Брали курсанты три раза подряд.
Еле уволокли пулеметы.
А три батальона — там и лежат.
Помню! Мальчик простёрт на талом
Снегу с простреленным животом.
Помню еще — о большом и малом,
Об очень сложном и очень простом.
И все же были такие минуты,
Когда, головой упав на мешок,
Думал, что именно так почему-то
Жить особенно хорошо.
И ясно мне всё без лишних вопросов,
И правильно всё и просто вокруг.
А рядом — Семён Андреевич Косов,
Алтайский пахарь, до смерти друг.
Да, он был мне друг, неподкупный и кровный,
И мне доверяла дружба святая
Письма писать Пелагее Петровне.
Он их отсылал, не читая.
— Да что там читать, — говорил Семён.
Сворачивая самокрутку на ужин, —
Сам ты грамотен да умен,
Пропишешь, как надо, — живём, не тужим.
Семён Андреич! Алтайский пахарь!
С тобой мы полгода друг друга грели.
Семь раз в атаку ходил без страха,
И пули тебя, как святого, жалели.
Мы знали до пятнышка друг о друге,
И ты рассказывал, как о любви,
Что кони, тонкие, словно руки,
Скачут среди степной травы.
И кабы раньше про то узнать бы,
Что жизнь текла, как по лугу, ровно,
Какие бывали крестины и свадьбы,
Как в девках жила Пелагея Петровна.
Зори — красными петухами.
Ветер в болоте осоку режет.
А я молчал, что брежу стихами.
Ты б не поверил, подумал — брешет.
Ты думал, что книги пишут не люди,
Ты думал, что песни живут, как кони,
Что так оно было, так и будет,
Как в детстве думал про звон колокольный.
Семён Андреич! Алтайский пахарь!
Счастливы ли ты? Здоровый? Живой ли?
Помнишь, как ты разорвал рубаху,
И руку мне перетянул до боли!
Помнишь? Была побита пехота,
И мы были двое у пулемёта.
И ты сказал, по-обычному просто,
Ленту новую заложив:
— Ступай. Ты ранен. (Вот нынче мороз-то!)
А я останусь, покуда жив.
Мой друг Семён, неподкупный и кровный!
Век не забуду наше прощанье.
Я напишу Пелагее Петровне,
Выполню клятвенное обещанье.
Девушки в золотистых косах
Споют, придя с весенней работы,
Про то, как Семён Андреич Косов
Один остался у пулемёта.
И песни будут ходить, как кони,
По пышным травам, по майскому лугу.
И рощи, белые, как колокольни,
Листвою раззвонят на всю округу.
И полетят от рощи к роще,
От ветки к ветке по белу свету.
Писать те песни — простого прощанье,
И хитрости в этом особой нету.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ВЫШЕСТОЯЩИХ НАЧАЛЬНИКОВ

Награжден Промышленностью награжден
за отвагу

Иванов И.И. /Медальон/

КОМАНДИР БИТАЛЫ
ПОТ. КОЗНИ
НАЧ. ОТДЕЛА БРИГАДЫ
ПОДПОЛКОВНИК

Обязательно все графы заполнять полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ 56

Фамилия, имя, отчество Косов Семён Андреевич

Воинское звание мл. сержант

Должность и часть Наводчик станкового пулемёта 1-го Отдельного Стрелкового Батальона, 1-й Отдельной Стрелковой Бригады

Представляется к награде медалью «За боевые заслуги»

1. Год рождения: 1912 года 2. Национальность: Русский

3. С какого времени состоит в Красной Армии: с 1942 года

4. Партийность: Кандидат ВКП(б)

5. Участие в боях (где и когда): Волховский фронт с 1942 года

6. Имел ли ранения и контузии: Не имеет

7. Чем ранее награжден (за какие отличия): Не награждался

8. Каким РВК признан: Ельцовским РВК, Алтайского края

9. Постоянный домашний адрес (представляемого к награждению или его семьи):

КРАТКОЕ КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА ИЛИ ЗАСЛУГИ

В бою 23 Марта 1943 г. в районе Карбусель в составе пулемётной команды наравестившейся в бой. Он проявил героический героизм и бесстрашие в бою. Огнём своего пулемёта и в рукопашной схватке с противником убил 3 немцев.

Итого: Достигли награды медалью «За боевые заслуги»

Командир 1-го Отд. Стр. Б-на
Мл. лейтенант Соколов

Нал. Штанга
Майор Думин

25. Марта 1943 г.

Давид Самойлов. 1943–1945

Стихотворение датировано 1945–1946 годами.

В блокноте Давида Самуиловича 20 сентября 1942 года кратко записан рассказ Семёна Андреевича о себе: «Колхозник из Алтайского края получал в колхозе (С. Косов): 3,5 тонны пшеницы, 2 цнт. меду, 120 цнт. сена и т. д. Деньгами около 1500 р. Дома имеет огород, корову, стельную телку, теленка, десяток овец, кур, двух свиней. Всем обеспечен. От этого всего оторвали его немцы. Уважает свой колхоз: "У нас на 90 домохозяев 3 500 гектаров земли"..."»

В 1988 году в публикации журнала «В мире книг» поэт вспоминал: «Жизнь мне спас Семён. Под обстрелом немецких минометов он выскочил из окопа и на руках унес меня».

Недавно, в марте 2016 года, представляя новое издание военных записок Давида Самойлова, «Российская газета» тоже напомнила про тот бой у селения Карбусель: «Командир роты написал родителям поэта: "В бою 23 марта 1943 года в районе Карбусель, стремительно

продвигаясь с пулеметным расчетом, совместно с пехотинцами ворвался в немецкие траншеи, в рукопашной схватке убил 3 немцев, и тут же был ранен сам и эвакуирован в госпиталь...» За этот бой Давид был представлен к медали «За отвагу», но награда его не нашла. Даже после войны, — пишет «РГ».

Интернет-проект Министерства обороны России и корпорации «Электронный архив» rodvig-naroda.ru теперь позволяет посмотреть награжденные листы и Семёна Косова, и Давида Кауфмана (такова официальная фамилия поэта Самойлова).

Командир 1-го отдельного стрелкового батальона старший лейтенант Солдатенко пишет, что младший сержант Косов достоин награды медалью «За боевые заслуги». В вышестоящем штабе решили позже наградить Семёна Андреевича медалью «За отвагу», которая считалась более высокой по статусу.

На этом же сайте rodvig-paroda.ru находим наградной лист Давида Самуиловича Кауфмана. Тот же комбат Солдатенко представлял поэта к награждению медалью «За боевые заслуги», как и нашего Косова. И тоже командир бригады полковник Цыганков решил наградить красноармейца Кауфмана медалью «За отвагу». В «Российской газете» ошиблись, говоря о награде, не нашедшей героя. Поэт получил медаль: достаточно посмотреть на фронтовое фото Самойлова после госпиталя, чтобы ее увидеть.

Виктор Астафьев и Пётр Николаенко

Лучше всего о фронтовике с Алтая Петре Николаенко говорит письмо писателя Виктора Астафьева.

«26 января 1991 г.

Красноярск
(секретарю Кытмановского
райкома партии, Алтайский край)
Уважаемый Иван Васильевич!

Не удивляйтесь моему письму — жизнь нынче не такими неожиданностями богата. Я хотел найти Вас на съезде, но не получилось. А искал я Вас вот почему: в деревне Червово Кытмановского района Алтайского края живет мой однополчанин и фронтовой друг Пётр Герасимович Николаенко. Мы с ним прошли стрелковый полк, автополк и воевали в 92-й артбригаде на самой страшной и неблагоприятной должности — связистами. Я по ранению выбыл из нашей части осенью 1944 года, а Пётр дотянул провод до Берлина, Праги и остановился аж в австрийском городке Кремсе. По возвращении в родную деревню работал бригадиром в колхозе, председателем колхоза, ушел на пенсию с должности зама председателя. Человек он шумный и часто грубоватый, в душе же добряк и надежный товарищ. Здоровый физически, громадный телом, он много помогал мне на войне силой своей, в особенности, когда я однажды явился в часть из санбата недолеченный, ослабелый.

Виктор Астафьев и Пётр Николаенко.
Фронтовая фотография

Конечно, будучи начальником, попивал он крепко, да и посейчас это увлечение не оставил, но вместе с многотерпеливой женой, дождавшейся его с фронта верной девчонкой, пятерых детей вырастили, добра много людям сделали, детей определили.

Но здоровье сдало и у этого богатыря — обезножил, сердце сдало, и еще беда — сгорела у него машина, так необходимая ныне в жите-бытье.

И вот я прошу Вас помочь моему фронтовому другу купить эту самую машинешку. Право слово, и писать об этом, и просить неловко, но Петро сейчас лежит в военном госпитале в Барнауле и Христом Богом молит меня ему помочь, а я вот Вас молю и беспокою. Извините.

Заранее Вас благодарю и желаю добра, здоровья!

Виктор Астафьев».

В 1998 году это письмо было опубликовано в собрании сочинений писателя. В интервью с Астафьевым барнаулец Валерий Тихонов попробовал уточнить литературный след жителя Алтая:

«— Виктор Петрович, я знаю, что в Кытмановском районе нашего края живет ваш фронтовой друг — Пётр Герасимович Николаенко. Есть ли он в ваших произведениях, как, например, Валега в «Окопах Сталинграда» Виктора Некрасова? Кстати, Валега тоже в нашем крае живет — в райцентре Бурла.

— Назвать конкретно не могу. Отдельные черточки с него есть. Я вообще не занимаюсь поисками прототипов в своих произведениях. Но Петя Николаенко в моей жизни присутствует постоянно. Я люблю о нем рассказывать. Мы

прошли с ним все: пехотный полк, автополк... Воевали вместе. Он в мою честь назвал своего старшего сына...»

Мы приведем отрывок из повести Виктора Астафьева «Пастух и пастушка», в котором зримо обрисованы характеры наших земляков:

«...Взводный души не чаял в этих двух алтайцах-кумовьях, которые родились, жили и работали в самой красивой на свете, по их заверению, алтайской деревне Ключи. Не сразу понял и принял этих солдат Борис. Поначалу, когда пришел во взвод, казались они ему тупицами, он даже раздражался, слушая подковырки и насмешки их друг над другом. Карышев был рыжий. Малышев — лысый. Эти-то два отличия они и использовали для шуток. Стоило снять Карышеву пилотку, как Малышев начинал зудеть: «Чего разболочся? Взбредет в башку германцу, что русский солдат картошку варит на костре, — и зафитилит из орудия!» Карышев срывал пучок травы и бросал на лысину Малышеву: «Блестишь на всю округу! Фриц усекет — миномет тута — и накроет!» Солдаты впопых валились, слушая перебранку алтайцев, а Борис думал: «До чего же отупить надо, чтобы радоваться таким плоским, да и неловким для пожилых людей насмешкам». Но постепенно привык он к людям, к войне, стал их видеть и понимать по-другому, ничего уже низкого в неуклюжих солдатских шутках и подковырках не находил. Воевали алтайцы, как работали, без суеты и злобы. Воевали по необходимости, да основательно. В «умственные» разговоры вступали редко, но уж если вступали — слушай...»